
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ И УНИФИКАЦИЯ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛЬНОМ ВЕБ-ПРОСТРАНСТВЕ

Голубинская А. В.*

Целью статьи является определение векторов развития взаимодействия культур в глобальном веб-пространстве. Рассмотрены проблемы унификации культур, слияния отдельных социокультурных обществ в виртуальной среде, процессы вычленения отдельных культур из глобальной культуры Интернета. Определены способы унификации культур: гомогенизация и креолизация. На конкретных примерах отмечается тенденция к диверсификации культур: развитие национально-этнических доменных зон и виртуальных сообществ, популяризация идей социокультурной самобытности в повседневном и развлекательном веб-дискурсе.

Ключевые слова: веб-культура, глобализм, виртуальное общество, самобытность, социокультурная идентичность, унификация культур, диверсификация культур.

The aim of the article is to define the vectors of developing interrelations within the global web-space. The author studies the issues of unification of cultures, of merging of individual sociocultural societies within the virtual environment, as well as the process of divergence of separate cultures from the global Internet. Homogenization and creolization are defined as patterns of unifications. The author gives examples to illustrate the trend of cultural diversification: the development of national domain zones and virtual communities, popularization of the ideas of sociocultural identity in the common and entertaining web-discourses.

Keywords: web-culture, globalism, virtual community, culture distinctiveness, sociocultural identity, culture unification, culture diversification.

Виртуализацию мирового сообщества принято рассматривать в контексте глобализации. Создание виртуальных площадок для реализации отдельных видов социальных практик начиная с международных экономических процессов и заканчивая досугом на любой вкус для частных лиц позволяет создать универсальную модель человеческого поведения в Сети, мышления, интерпретации окружающего мира. С момента появления таких ресурсов и самой сети Интернет (уже изначально всемирной) в рамках теорий глобализации образовался новый вектор оценки происходящего: «...информационная взаимосвязь информационного пространства в результате существенного роста объемов информационных потоков и числа информационных источников и каналов под воздействием интенсивного развития информационных технологий» обозначила собой информационную глобализацию [Дмитриев 2008: 61].

---

* Голубинская Анастасия Валерьевна – аспирант кафедры философии факультета социальных наук, младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Института открытого образования Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: golub@ioo.unn.ru.

Представления об информационной глобализации являются синтезом годами накопленного теоретического материала по проблеме глобализации и новейших достижений в области информационных технологий, что позволяет назвать основные ее проявления. Во-первых, это формирование глобальной модели организации общественной жизни и управления. Экономические процессы в условиях информационной глобализации представляют собой слияние национальных экономик: около 20 % продукции мировой экономики производится филиалами транснациональных корпораций, интегрируются рынки, формируется единая модель законодательства в области инвестиций и управления капиталом, стандартов залоговых механизмов и отчетности [Нехаев 2004]. Во-вторых, отмечается слияние мирового капитала знаний. Мировой информационный капитал стремится к объединению, информационной открытости [Немыкина 2014]. Средства массовой информации взаимодействуют и концентрируют совместные усилия по воздействию на общество [Стровский 2003: 187]. В-третьих, происходит инструментальная глобализация, то есть унификация используемых информационных и коммуникативных технологий. Особенное значение вопрос инструментальной глобализации приобретает в контексте технополитического дискурса о проблеме цифрового неравенства, то есть императива о предоставлении одинаковых возможностей доступа к глобальной сети во всех точках планеты, о «сокращении неравномерности использования информационных и телекоммуникационных технологий между развитыми и развивающимися странами» [Абрамова 2011: 87].

Наиболее сложным и комплексным проявлением информационной глобализации является развитие вненационального социокультурного единства: образуются межнациональные социальные движения, происходят интернационализация образования и экспансия массовой культуры [Келле 2005]. С этой точки зрения возникает концепция интернациональной виртуальной культуры. Исследования этой культуры актуальны как никогда: человек будущего социализируется и самоопределяется в виртуальном пространстве коммуникаций. Уже сегодня мы говорим о воспитании и обучении поколения Z – первого из поколений, не знавшего мира до цифровой революции, однако данные аспекты педагогических наук должны подкрепляться более комплексными социально-философскими теориями о виртуальной культуре и закономерностях взаимодействия людей внутри нее. Научное сообщество отреагировало на проблему информационной глобализации не только концептом поколения Z, но и концептами *Homo digitalis*, то есть антропологического типа цифровой эпохи [Толстокорова 2015], кибернавта, то есть субъекта киберпространства [Гуревич 2010], инфоргов, чья личность строится в эпоху широких возможностей виртуальных технологий [Floridi 2007] и др.

Подобные культурные трансформации охарактеризовали современность в виде диалектики культурного глобализма и антиглобализма. Сторонниками глобализма аргументируются преимущества создания международной модели устройства социального мира, разработки арсенала универсальных решений общественных, экологических, медицинских и других проблем, мобилизации мировых ресурсов, развития глобального хозяйства и прочее. Антиглобалисты, напротив, отмечают риск утраты национальной самобытности разных народов, обозначают угрозы вмешательства в естественный порядок развития стран третьего мира, по-

давления принципов суверенности государств и народов. И так, на одном полюсе – утрата этнокультурных особенностей, на другом – интеллектуальная стагнация народа. Дух эпохи, ее единство, как заключил К. Мангейм, выражается не в специфике доминирующих социальных тенденций, а в противоборстве полярных тенденций, в динамике ее антиномий, «в том, что эти противоположности всегда интерпретируются в терминах одна другой» [Мангейм 1998: 49]. Таким образом, борьба глобалистов и антиглобалистов определенно составляет современный *Zeitgeist*. Перед сторонниками обеих позиций стоит одна и та же интеллектуальная задача, – поиск ответа на вопрос о том, как обеспечить свободу человека в его культурном пространстве. Э. Гидденс отмечал, что глобализация всегда включает в себе противоречия [Giddens 1996: 48; цит. по: Санаи 2015: 48–58], и одно из таких противоречий можно обнаружить в самой постановке этой задачи: если антиглобалисты спрашивают, будет ли человек свободен, если нужно быть «как все», то глобалисты спрашивают, будет ли человек свободен, если быть «как все» нельзя. Диалог этих концепций похож на спор о том, круглое яблоко или красное. Глобальные процессы имеют свои преимущества, но и переживания их противников небеспопченны, в связи с чем сам процесс глобализации нельзя рассматривать сквозь призму одного подхода, игнорируя доводы другого. Агрессивный характер глобализации действительно может поставить под угрозу отдельные культуры, а следовательно – языки, искусство, традиции, религии разных народов. Впрочем, невозможно утверждать, что социально-этнические общности не обладают никаким механизмом защиты. Вопрос о сущности русской самобытности и вообще о ее существовании зародился прежде, чем возникла полемика западников и славянофилов. В XVI в. Филофей уже заботился о смысле духовного предназначения русского народа и места России в системе мировых культур, а немногим позже Юрий Крижанич призвал не гнаться за традициями чужестранцев, но по их же примеру обозначить исключительность своего народа, его «природы, нрава и состояния» [Замалеев 2010: 211, 229]. Сам поиск самобытности проходит красной нитью сквозь всю историю русской мысли и ее периоды империализма, социализма и демократизма, причем большая часть изменений пришлось условно на столетний отрезок. При такой устойчивости возникает вопрос, не в этой ли диалектике самобытность и заключена. В любом случае, это вполне может послужить примером аутопойетического характера социальной системы, ее эндогенного воспроизведения, восстановления и самообновления ее компонент. В случае системных кризисов социальная ткань, во-первых, регенерируется, а во-вторых, адаптируется к новым условиям [Булдаков 2011: 96], то есть воссоздает себя наиболее адекватным для новой среды образом, используя имеющиеся для этого ресурсы. С данной точки зрения проблемы глобализма-антиглобализма в условиях виртуализации общества можно оценивать следующим образом: достаточно ли ресурсов цифровой эпохи для механизмов социокультурного аутопойезиса?

В настоящей статье предлагается рассмотреть два процесса взаимодействия культур в глобальном веб-пространстве: социокультурную унификацию и диверсификацию.

Унификация культур представляет собой процесс, осуждаемый антиглобалистами, то есть создание новой глобальной культурной идентичности без этногра-

фического разнообразия ее носителей. Очевидно, что самобытность народов уязвима в условиях межкультурного взаимодействия. Плотно контактирующие культуры ассимилируются, и их особенности подвергаются либо гомогенизации («культурный компромисс»), либо креолизации (проникновение в менее устойчивую культуру особенностей доминирующей в коммуникации культуры). Принято полагать, что в силу разнообразия этнических, национальных, классовых, конфессиональных и других характеристик участников виртуальной коммуникации глобализованная веб-культура – результат многокомпонентной ассимиляции. Интернет с самого начала «способствовал размыванию коммуникативного пространства между странами, становился фактором информационной интеграции» [Мартьянов, Мартьянова 2012: 234], и нельзя однозначно сказать, является ли эта интеграция креолизацией или гомогенизацией. С одной стороны, в большинстве компонентов веб-культуры тенденции к креолизации обнаруживаются с легкостью. Трудно оспорить, что общение в глобальной сети происходит в основном на английском языке. В то же время вынужденное использование английского языка представителями других языковых культур породило такие феномены, как бейсик-инглиш или Simple English. Эти языки представляют собой упрощенный вариант английского языка, для понимания которого достаточно иметь самые базовые навыки: арсенал словарного запаса не превышает тысячи слов, а антонимы образуются при помощи приставки «un-» [Ogden 1944]. Несмотря на то, что идея «простого английского» появилась прежде, чем сеть Интернет, именно в условиях виртуальных коммуникаций (меньшинство участников которых являются коренными носителями английского языка, а некоторые и вовсе вынуждены осваивать язык в самой виртуальной среде) она впервые приобрела действительную значимость¹. Проявлением гомогенизации также можно считать популяризацию графических способов передачи сообщения, вовсе решающую проблему межъязыковых коммуникаций. Аксиологические компоненты глобализованной веб-культуры, наоборот, в большей степени тяготеют к принципам креолизации. Нетрудно заметить, что развиваемые в сети представления о ценностях опираются в основном на западную модель и в меньшей степени заботятся о развитии исторически сложившейся социокультурной идентичности мусульманских стран (к примеру). Отмечено, что в условиях гомоцентризма этнонациональные интересы отходят на второй план по сравнению с вопросом международного правового статуса человека [Напсо М. Д., Напсо М. Б. 2015]. Следствием этого можно назвать то, что креолизация проявляется в моде и специфике потребительского поведения людей: акторы данных социальных институтов (дизайнеры и «законодатели моды», маркетологи и специалисты PR) используют одни и те же модели профессиональной деятельности, формируя унифицированного потребителя во всех частях планеты.

Однако в последние годы ситуация стала меняться. Адаптировавшись к условиям цифрового общества, виртуальное пространство стало склоняться к постепенной социокультурной демаркации. Здесь необходимо отметить две детали, обосновывающие потребность в переоценке глобальной веб-культуры. Во-пер-

¹ Подробнее о роли и статусе английского языка в условиях глобальной культуры см.: Щенникова 2015: 119–129.

вых, нельзя утверждать, что виртуальная культура доминирует над ежедневным культурным опытом даже в условиях развития концепций киберсоциализации, виртуальной личности и прочих аксиом взаимодействия человека и общества в эпоху цифр. На наш взгляд, цифровой человек (здесь: активно использующий технологии виртуальных коммуникаций) должен рассматриваться в условиях бикультурализма: с одной стороны, это его действительное окружение, с другой – глобальная веб-культура.

Во-вторых, происходит социокультурная сегментация самого виртуального пространства. Еще Ж. Бодрийяр отметил, что виртуальная среда социальных коммуникаций нацелена на клонирование Вселенной [Бодрийяр 2015]. Топос киберпространства настолько обширен, что не всякое участие в виртуальных культурных процессах можно рассматривать как участие в процессах глобальной культуры. Вообще привычное человеческому мышлению понимание пространства неприменимо для осмысления пространства сети Интернет, и попытки осмыслить этот феномен массово представлены в научной литературе. Отметим здесь лишь одну простую, но значимую деталь: сегодня киберпространство возможно представить в виде глобального Интернета, состоящего из национальных пространств вроде «рунета», представленного якутским «якнетом», осетинским «оснетом», чувашским «Чгваш тетелё», татарским «татнетом», а также множеством зон с доменами второго порядка (.dagestan, .mordovia, .khakassia.ru и пр.). Это нельзя считать «национальным» или «региональным» Интернетом в прямом смысле, однако в данных сегментах веб-пространства происходит общение отдельных этносов, и порог вхождения в сообщество определяется владением языком конкретной этнической группой. На наш взгляд, это является одним из проявлений социокультурной диверсификации, то есть процесса проникновения этнокультурных общностей в виртуальную среду и формирования их единства.

Диверсификация культуры представляет собой «распадение, расчленение единой культуры на составные части» [Кравченко 2000: 144]. Зародившись в качестве глобальной культуры, веб-культура на сегодняшний день начинает наполняться социокультурным разнообразием, и оно репрезентируется в виртуальном пространстве комплексно. Во-первых, это языковая репрезентация как ключевой фактор формирования этнического самосознания (представленный выше пример). Мир повседневного общения отражается при помощи региональных социальных сетей, а глобальные социальные сети дублируются на локальных языках. В таких доменных зонах открываются интернет-магазины и другие службы, ориентированные на специфику регионального потребителя. Во-вторых, это расширение возможностей формирования социокультурного самосознания при помощи онлайн-сообществ. Термин «виртуальное сообщество» приписывается американскому социологу Г. Рейнгольду. Виртуальное сообщество он определил как матрицу социальных связей, где личные отношения возникают при помощи компьютерных технологий. Такие личные отношения идентичны реальным: люди обретают друзей, находят любовь, поддерживают друг друга, делятся мнениями, создают предметы искусства, удовлетворяют свои интеллектуальные, досуговые и другие коммуникационные потребности [Rheingold 2000]. В условиях виртуальных сообществ диалог с референтной культурой может происходить независимо

от реального местонахождения ее носителя: российские граждане, проживающие в других странах, ведут русскоязычные текстовые и видеоблоги и с точки зрения виртуального топоса находятся в русскоязычном пространстве сети. Обзор таких пользователей позволяет сделать вывод, что наиболее популярная тема коммуникаций данного пласта виртуальной культуры – конструирование «мы»-образа и «они»-образа. Это позволяет раскрыть третий аспект – популяризацию этнических образов в повседневном веб-дискурсе. Составление этнокультурных портретов представляет собой значительную часть современного развлекательного контента. Одним из множества примеров может послужить сообщество «Dating Beyond Borders», которое регулярно выпускает видеоролики, описывающие особенности романтических отношений с представителями и представительницами разных культур. Среднее арифметическое количество просмотров видеоролика этого канала составляет почти 70 тысяч². Разумеется, считая себя производителем развлекательного продукта, сообщество демонстрирует стереотипы, не всегда отвечающие действительности. Однако такие стереотипы весьма устойчивы и являются инструментами социальной идентификации, деления окружающих на «мы-группу» и «они-группу» [Tajfel 1981]. Более того, анализ юмора как зеркала реальности в вопросах идентичности часто демонстрирует социокультурную таксономию, запечатленную в коллективном сознании [Микляева, Румянцева 2008]. Не только элементы, но и формы культуры в киберпространстве начинают стремиться к диверсификации, независимо друг от друга развиваться для узкого круга специалистов. Например, создаются научные сообщества и научные журналы, появляются новые наукометрические показатели.

Процессы диверсификации и унификации культуры происходят одновременно на разных уровнях. Однако в качестве заключения к данной статье хотелось бы обозначить следующий тезис, выражающий субъективную авторскую оценку заявленной проблемы. Жизнь человека в современном мире стремится к нивелированию социокультурной разницы: классовая идентичность стирается за счет массового производства и популяризации производства «реплик» элитных товаров, тенденции в моде приводят к единообразию в саморепрезентации индивидуальности, возведенная в культ идеология толерантности стирает границы между идентичностями рас, наций и этносов. При таком рассмотрении киберпространство по сравнению с действительностью становится более подходящей средой для развития идей самобытности. Интернет представляет собой среду коллективного интеллектуального творчества, которая только начинает развиваться и обзаводиться собственной структурой. Глобальная веб-культура начинает разделяться на секторы, активность в которых ограничивается отдельными социокультурными общностями и в которых новыми методами происходит конструирование национальной, классовой или этнической идеи.

---

² Данные рассчитывались по всем видеороликам канала по состоянию просмотров на 05.08.2016.

Литература

- Абрамова А. В. Проблема «цифрового неравенства» и роль иностранной помощи в ее решении // Вестник МГИМО. 2011. № 5. С. 87–95.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Постум, 2015.
- Булдаков В. П. Последняя книга. Памяти Сергея Павлюченкова // Вестник ТвГУ. Серия «История». № 1. 2011. С. 88–105.
- Дмитриев Е. И. Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании // Материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 13–14 ноября 2008 г., Минск. Минск : Изд. центр БГУ, 2008. С. 61–63.
- Гуревич П. С. Кибернавт как символ глобального мира // Век глобализации. 2010. № 2. С. 139–153.
- Замалеев А. Ф. Самосознание России: Исследования по русской философии, политологии и культуре. СПб. : Наука, 2003.
- Келле В. Ж. Процессы глобализации и динамика культуры // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 69–70.
- Кравченко А. И. Культурология: Словарь. М. : Академический проект, 2000.
- Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30). С. 7–47.
- Мартьянов Д. С., Мартьянова Н. А. Дискурсивные аспекты этнической идентичности в Интернете // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. Т. 20. № 2. С. 233–238.
- Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_02 (дата обращения: 05.08.2016).
- Напсо М. Д., Напсо М. Б. Право индивида и право народа на самобытность в реалиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 2. С. 158–169.
- Немыкина О. И. Проблемы глобализации виртуальной реальности и инновационное развитие общества [Электронный ресурс] // STUDIUM. 2014. № 1–2 (30–31). URL: <http://www.ruc.su/upload/medialibrary/09a/Немыкина.pdf> (дата обращения: 04.08.2016).
- Нехаев С. А. Основные тенденции развития инвестиционного рынка в эпоху глобализации. СПб. : Инвестиционное партнерство, 2004.
- Санаи М. Глобализация и мультикультурализм: изменение в понятиях и основах // Век глобализации. 2015. № 2. С. 48–58.
- Стровский Д. Л. Глобализация информационного пространства и ее влияние на журналистику // Россия и Европейский союз: стратегия взаимодействия: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 17–19 апреля 2002 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 186–196.
- Толстокорова А. В. Человеческое измерение глобализации: модальные типы личности // Электронный научный архив УрФУ: [сайт]. URL: elar.urfu.ru/handle/10995/32518 (дата обращения: 03.08.2016).

Щенникова Н. В. Языковой фактор глобализации // Век глобализации. 2015. № 2. С. 119–129.

Floridi L. The Future Development of the Information Society. Jahrbuch : Der Akademie Der Wissenschaften in Göttingen, 2007.

Giddens A. Beyond Left and Right. Cambridge : Basil; Blackwell, 1996.

Ogden C. K. Basic English: A General Introduction with Rules and Grammar. Toronto : Pippin Publishers, 1944.

Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. 2nd edition. Cambridge, MA : MIT Press, 2000.

Tajfel H. Human Group: Social Categories, Studied in Social Psychology. Cambridge : Cambridge University Press, 1981.